

К 556
46Г

К Р О К О Д И Л

Рис. М. Черемных

«Критиков» Красной Армии становится всё меньше и меньше.

СОЛНЦЕ ПРИПЕКЛО...

В НЮРНБЕРГЕ

Рис. Б. Кляича

— Бог — свидетель, что мой подзащитный ни в чём не виноват!.. Кстати, нельзя ли отложить рассмотрение дела до вызова этого свидетеля?

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

РИМ. Вашему корреспонденту удалось установить, что действительно все дороги ведут в Рим. Вслед за Андерсом прибыл сюда для встречи со своими приверженцами бывший югославский король Пётр. Куда ведут дороги из Рима, Пётр ещё не выяснил, но можно категорически утверждать, что ни одна из них не приведёт его в Белград.

НЮРНБЕРГ. В журналистских кругах на процессе обращают внимание на то, что у Геринга сильно помятый вид. Осведомлённые круги смотрят на это оптимистически. «Ничего,— заявляют они,— он ещё отвисится».

НЬЮ-ЙОРК. Здесь недавно состоялся показ наиболее устаревшей модели антисоветской клеветы. В Манхэттен-центре выступил приехавший из Франции генерал Деникин. В помещении сильно пахло нафталином.

ГААГА. Как сообщают газеты, в лагере Тильбург (Голландия) некий католический священник в чине голландского майора ежедневно выступал перед ещё не репатрированными советскими гражданами с гнусными речами, призывая их не возвращаться в СССР. По мнению многих голландцев, вышеупомянутый поп-майор напрасно тратит энергию. Было бы гораздо лучше, если бы он употреблял своё красноречие не на то, чтобы уговаривать советских граждан не возвращаться на родину, а на то, чтобы уговорить иностранных солдат в Индонезии поскорее вернуться на родину.

Итоги за день

I

У ВАЖАЕМЫЙ Ксенофонт Петрович! Подводя итоги своей работы за сегодняшний день, имею сообщить Вам следующее:

1. Я пробыл во вверенном мне учреждении двенадцать часов с перерывом на обед. Занят был делом только во время перерыва на обед. Остальные десять часов, проведённые мной на службе, палец о палец не ударил.

2. Однако сумел создать видимость удара пальца о палец. Сбоку для невооружённого глаза могло даже показаться, что я десять часов подряд горел на работе.

3. Придя утром в учреждение, велел никому не пускать к себе, потребовал завтрак и прессу. Свыше двух часов был занят. Сегодня очень интересные газеты. В «Красном флоте» запомнился мне международный обзор. Опять в Ватикане что-то затевается. Очень беспокоит меня Чили. Засим перекинулся в «Пионерскую правду» — с полчаса ломал голову над одним кроссвордом,— устал. Чтоб после этого немного освежиться, углубился в «Вечёрку». Наткнулся на объявление о разводе моего приятеля Горшкова с женой. Очень живо написано.

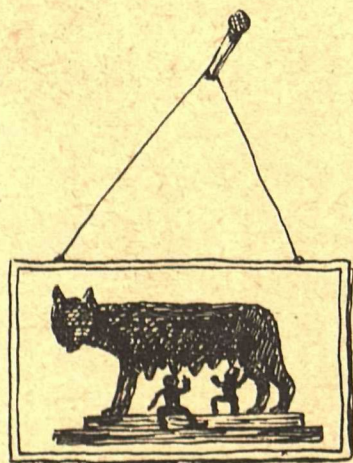
4. Позвонил домой. Попросил к аппарату свою супругу. Прочитал ей объявление о Горшкове. Не удивил. Других телефонных разговоров за отчётный период не было.

5. Подписал несколько бумажек. О чём,— не помню. Что-то кто-то просил. Отказал и поехал обедать.

6. После обеда провернул совещание по ремонту. Было человек тридцать. Клонило ко сну. Говорили часа три. Передали вопрос в комиссию.

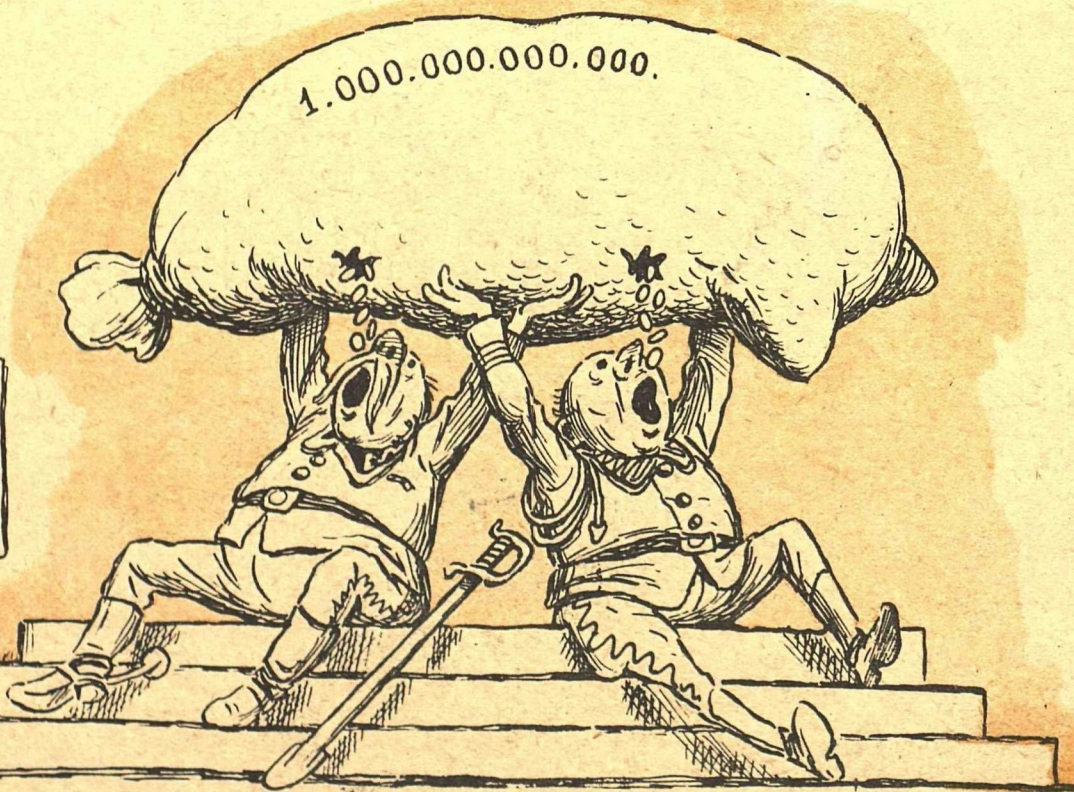
СТАРАЯ СКУЛЬПТУРА НА НОВЫЙ ЛАД

Рис. Г. Валька

Старинная итальянская скульптура...

Г. Валька

... и её современный вариант.

7. Вот и всё, уважаемый Ксенофонт Петрович.

Управляющий банно-прачечным трестом
С. Рябухин».

II

Конечно, будь вышеозначенный С. Рябухин честным человеком, он написал бы Ксенофонту Петровичу, своему непосредственному начальнику, такое письмо.

Но С. Рябухин не написал. Это мы написали.

А на самом деле С. Рябухин позвонил к концу дня Ксенофонту Петровичу и сказал ему следующее:

— День сегодня какой-то сумасшедший. С утра верчусь, как белка в колесе. Посетители одолели. А ведь каждого надо выслушать—я иначе не могу. Опять же всякие письма, заявления — во всё надо вникнуть. Ей-ей, даже пообедать некогда было. А тут сразу после обеда провёл большое совещание по ремонту. Совещание прошло на высоком уровне. Все участники проявили большую активность. Интересное совещание. А вот заместителя моего, Фроленкова, не было. Страшно неорганизованный человек, никакой дисциплины. Утром минут двадцать повертелся в тресте и ушёл. А я всё один. Всё один. Разве так можно? Какой же это заместитель? Вот какие дела, Ксенофонт Петрович... Что вы спрашиваете? Ах, про Фроленкова. А он сделал себе моду с утра ходить по баням, прачечным и другим нашим точкам. Вот в чём запятая. А на работе его нет целыми днями. Сегодня, например, в самый разгар нашего совещания он занялся пуском горячей воды в бане № 2. У вас, говорит, на совещании будут лить воду холодную, а я займусь горячей... А?.. Что?.. Да разве я, Ксенофонт Петрович! Одну...

III

— ...минуточку, Ксенофонт Петрович...

Тут С. Рябухин вскочил и с силой захлопнул дверь кабинета. Так что дальнейшего его разговора с начальником я слышать не мог.

Г. РЫКЛИН

ЗНАТОК

На станции большой, пока стоял
экспресс,

Терентий вылез из вагона.

Имея времени в обрез,

Прошёл он быстро вдоль перрона

И наблюдал, как воробьи

Вели у лужицы бои,

Потом разглядывал плакаты на заборе.

А вскоре

Заторопился он

В вагон

И отбыл дальше на экспрессе...

Но всюду с этих пор твердить
не уставал:

— О, этот город мне отличнейше
известен,

Я в этом городе бывал!

Иной слывет по меньшей мере
Хорошим знатоком обширнейших
краёв.

А видел там — проездом — в сквере
Пристанционных воробьёв!

Влад. ИВАНОВ

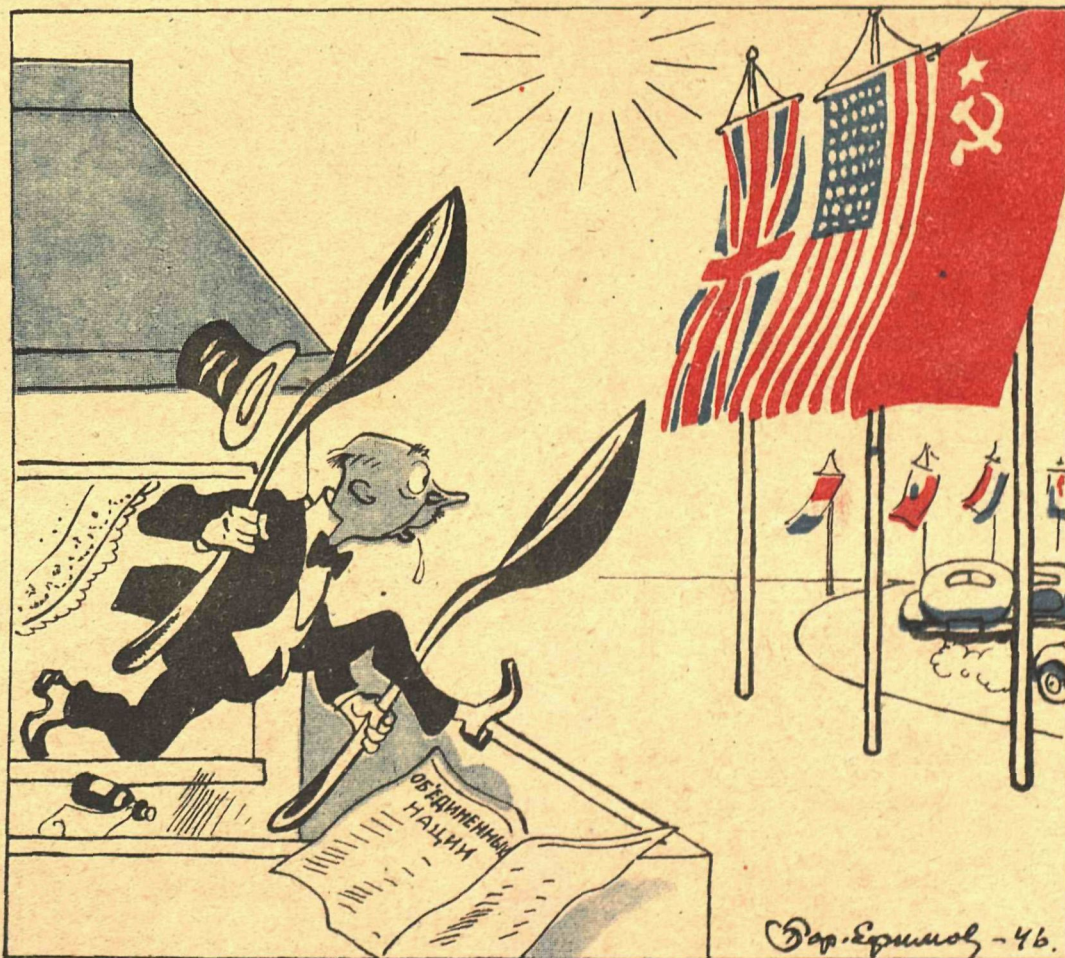
Ленинград.

«НЕЙТРАЛЬНЫЙ» ТИТ И ЕГО АПЕТИТ

Рис. Бор. Ефимова

— Тит, пойдёшь молотить?
— Не пойду: брюхо болит!

— Тит, поедешь на конференцию?
— Сейчас! А где моя большая ложка?

Ночное происшествие

ДАЛЕКО за полночь. Город притих, уснул. Улицы пустыны и безмолвны. Лишь изредка пролетит, стреляя и фыркая натруженным мотором, запоздалая машина или пройдёт, пошатываясь и громко разговаривая с самим собой, хвативший лишнего одинокий прохожий...

...В отделении милиции, в тесной комнатке дежурного, тоже тихо. Даже неугомонный телефон замолчал.

Дежурный — сержант Старухин — сидит за барьером, подперев голову рукой, скучает и помыслил.

Днём Старухин поссорился со своей женой Клавдией, которую приревновал к разбитному управдому Шилкину, и сейчас, вспоминая детали ссоры, заново переживает муки ревности.

«Почему она вся красная стала, как бурак, когда я с ней про Шилкина заговорил? — думает Старухин. — Которая женщина пред мужем чиста, той не с чего краской заливать! Попалась — вот её и бросило в стыд! Ох, Клавка, Клавка!..»

Вызвать бы сюда этого самого Шилкина да запросить по всем правилам!

— Отвечайте, гражданин Шилкин, что вы такого говорили гражданке Старухиной в 15 часов 25 минут дня пятого сего февраля, когда я вас с ней на лестнице застукал?!»

Старухин встаёт и начинает нервно ходить по комнате. В его разгорячённом мозгу проносятся страшные картины. Ему кажется, что Шилкин сидит сейчас у Клавдии, они завели премиальный патефон, слушают пластинки и смеются над ним, Старухиным, который должен дежурить всю ночь и ничем не может им помешать!

Старухин не выдерживает. Он достаёт толстый кожаный портсигар, закуривает «Катюшу» и звонит к себе домой по телефону.

После пятого гудка он слышит в трубке сонный, испуганный голос Клавдии:

— Слушаю!.. Кого вам?

— Это я, Клава, — говорит Старухин, — ты что... спишь?

— Нет, танцы танцую!.. Конечно, сплю!

— Та-ак!.. Значит, спишь?

— Господи!.. Говорят тебе, сплю!.. Чего тебе надо-то?..»

— Это... надо мне... понимаешь... — мямлит Старухин, доставая из портсигара новую папиросу, — я порттабак свой, кажись, дома забыл... Посмотри на окошке!

Старухин слышит, как Клавдия, шлёпая босыми ногами по полу, идёт к окну.

Потом она возвращается и говорит в трубку:

— Нету нигде твоего порттабака... Неужели потерял?

— Выходит, потерял!.. Хотя, стой... Вот он, нашёлся!..»

— Где же он был?

— В этом... в кармане был!

— Что же ты, фазиня, людей будишь! — сердится Клавдия. — Собственное ухо ищешь, а оно на голове!

— Слушай, Клава, — хрипло говорит Старухин, — а этого... Шилкина нету там?

— Ты что, угорел?.. В каком это смысле — там?

— В смысле — тут. Почему мне слышно, что у нас вроде... патефон играет?

— В голове у тебя патефон играет! Совсем снятил! Отвяжись ты от меня с этим Шилкиным, бога ради! Три часа ночи, людям рано на работу вставать, а он тут по телефону симфонию разыгрывает!

Клавдия с силой хлопает трубкой. Старухин немного успокаивается, садится за стол и принимается за чтение старых, читанных-перечитанных протоколов.

Но вот с шумом открывается дверь и в дежурке появляются милиционер Нина Байкова, хорошенькая, как ангел с картинки, девушка с

подбитыми бровками и деланно строгими лазоревыми глазами, и с ней неизвестный гражданин без пальто, без шапки, почему-то в одном сапоге, синий от холода, напуганный и несчастный.

Он сразу же садится на скамейку и начинает яростно растирать оконечную ступню в дырявом носке с торчащим наружу таким же несчастным, как он сам, лиловым большим пальцем.

— У-у-ух!.. — стонет гражданин в одном сапоге. — У-у-ух ты, боже ж мой!.. Вот это да!..»

— Что случилось? — строго спрашивает Старухин.

Стараясь казаться бесстрастной, Нина Байкова докладывает:

— Я иду, товарищ сержант, и вдруг из переулка гражданин выскакивает. Вот в таком виде! Он говорит, что его бандиты раздели. Бандитов я в переулке не обнаружила, товарищ сержант!..»

— Убежали! — говорит гражданин в одном сапоге и опять трёт ногу:

— У-у-ух!.. Вот это да!..»

Старухин поправляет ремень амуниции, хмурит брови и приступает к допросу пострадавшего:

— Кто вы такой, гражданин? Паспорт цел?

— Цел! — сообщает гражданин в одном сапоге. — И командировочное цело!.. Они в гимнастёрке были — документы! Вот, пожалуйста!.. Я Васюков, Пётр Павлович, работник лесоохраны... С Кавказа... У-у-ух!.. Вот это да!..»

Старухин долго и внимательно изучает документы Васюкова. Они оказываются в полном порядке.

— Как же это с вами случилось... происшествие, гражданин Васюков?

— Возвращаюсь из гостей... к себе в гостиницу, — страдальчески морщась, говорит Васюков, — и вдруг подходят трое... Один — с усами — раз! — пистолет мне к животу... «Будешь кричать — убьём!»... Другой — без усов — раз! — шубу с меня... Третий — с усами! — раз! — мой наган себе!..»

— А у вас и наган был?

— Был! Разрешение номер четырнадцать два нуля пятнадцать!.. Четвёртый — без усов — раз!..»

— Вы же сказали, их трое было, бандитов?

— Правильно, трое! Заговорился, товарищ дежурный, извините... Такое пережить!.. Значит, это не четвёртый, а опять первый — с усами! — раз! — сапог с меня! Я упал, кричу... Тут

кто-то из подъезда вышел, они испугались — и наутёк!..»

— Как же так, гражданин Васюков? — удивляется Старухин. — При вас, оказывается, было оружие, а вы даже и не пытались его обнажить в свою защиту?

— Они же сразу — раз! — и пистолет к животу, товарищ дежурный!.. У-у-ух!.. Вот это да!..»

— Подрастерялся товарищ! — говорит Нина Байкова.

Тут опять открывается дверь и в дежурку быстро входит старуха-дворничиха в белом фартуке поверх полшубка. Лицо у неё испуганное.

— Начальник, давай людей! — задыхаясь, говорит старуха. — Тут в переулке, в третьем доме, выстрел был сделан!.. И стёкла кто-то бьёт. Скандаль!.. Я к вам бегом бежала, чуть не померла!..»

— Пойдите, товарищ Байкова, посмотрите, — говорит Старухин. — Не испугаетесь?

Не отвечая, Нина Байкова поправляет кобуру пистолета и презрительно пожимает плечиком:

— Идёмте, бабушка!

Девушка и старуха уходят.

— Такие орлицы да чтобы не справились! — шутит им вслед Старухин.

Потом он начинает составлять протокол о нападении бандитов на П. П. Васюкова.

Протокол Старухин составляет обстоятельно и подробно.

«Обнажив оружие, — пишет Старухин, — бандиты направили таковое на живот пострадавшего, каковой не оказал сопротивления и, по его словам, лишился шубы, каковая...»

Составление протокола прерывается появлением Нины Байковой.

Она врывается в комнату дежурного, как порыв метели. Лазоревые глаза её сияют, рот улыбается, маленькие ушки стали малиновыми от возбуждения.

В руках Нина Байкова держит мужской сапог, потрёпанную шубу с каракулевым воротником, ушанку и чёрную тяжёлую кобуру казённого образца.

— Получите ваши вещи, гражданин Васюков! — звонко говорит Нина Байкова.

Старухин с восхищением смотрит на сияющую Нину Байкову и, улыбаясь, спрашивает:

— Неужели бандитов задержала, товарищ Байкова?

Нина Байкова фыркает:

— Это не бандиты, товарищ сержант... Это на любовной почве... Гражданин Васюков был тут в гостях у одной гражданки... А муж возьми и завянься... Гражданин Васюков дал ходу... А муж, значит, расстроился и начал из ихнего пистолета стрелять в свой комод... Смех, ей богу, и грех!.. Одних чашек набил семь штук!..»

Бледный от негодования Старухин оборачивается к смущённому Васюкову, который натягивает на ногу спасённый Ниной Байковой сапог и бормочет:

— У-у-ух!.. Вот это да!..»

Старухин смотрит на вздыхающего и сопящего дон Жуана из кавказских лесов долго и зловеще, и ему кажется, что перед ним не робкий Васюков, а сам нахальный Шилкин, пойманный с поличным.

— Я начальнику доложу о вашем деле! — говорит Старухин. — Мы вас завтра вызовем. И вы ещё ответите за обман представителя власти.

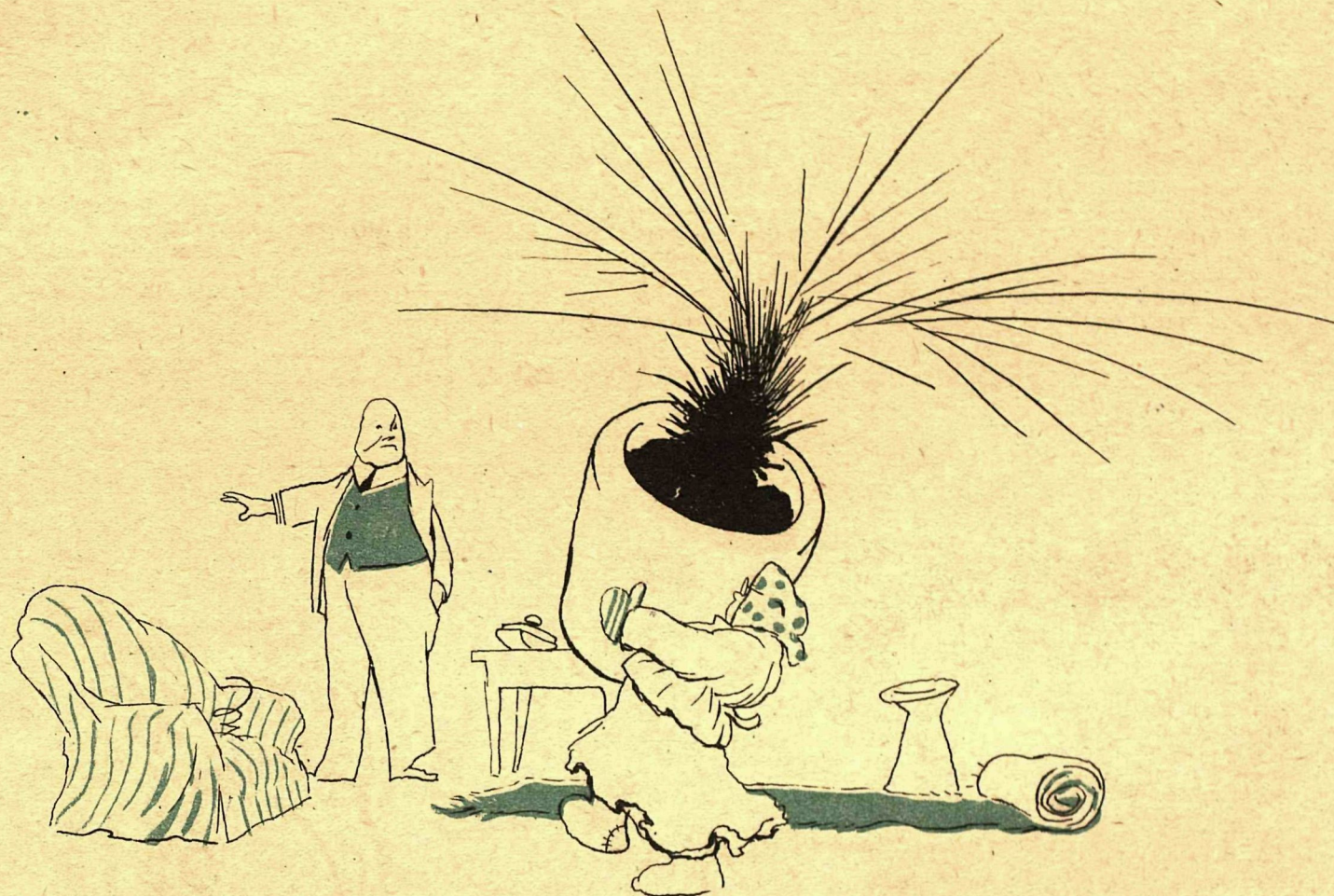
Васюков обречённо опускает голову.

— Довольно стыдно, гражданин Васюков! — с чувством заканчивает Старухин. — Сами... это... нарушаете, а на жуликов сваливаете!

И рвёт на мелкие кусочки составленный протокол.

Леонид ЛЕНЧ

— Значит, из столовой пальму для загса мы взяли. Теперь тащите сюда ковёр из клуба, диван из поликлиники, занавески из библиотеки.. Понимать надо: сейчас обращено внимание на загсы.

ПЯТНА НА МРАМОРЕ

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

На мраморе прекрасных зданий,
Распространённой всех изданий,
Повсюду вывески висят.
Мы в день по сотне их читаем,
Как книгу, улицу листаем:
Страница — дом, строка — фасад.
Но эти все произведения
Не доставляют наслажденья.
С фасадов кто-то каждый день
Нам преподносит дребедень.
Неудержимо и упрямо,
Как резолюцию на лист,
Большими буквами на мрамор
Кладёт печать канцелярист.
Ни одного простого слова,
Слова — одно страшней другого,
Родной язык давно забыт,
И незаметно, постепенно,
Покинув мраморные стены,
Слова-уроды входят в быт.
Не магазин, а «Райпродбаза»,
Не масло, а «животный жир»...
От этих слов скучнее сразу
И блёкнет многоцветный мир.
Я чувствую себя паршиво —
Вопрос передо мною вдруг:
Кто пьёт в артели «Индпошива»:
Индус, индеец или индюк?
Мне неудобно в ресторане,
Зашёл туда — и сам не рад:
На ресторане, как на бане,
Написано: «Второй разряд».
Вино стоит в бутылке старой,
Оно, как золото, блестит,
Но от названья — «стеклотара» —

Меня и без вина мутит.
К тому ж невкусно мне вино,
Когда на вес идёт оно.
Бокал вина за здоровье дамы
Готовы поднимать всегда мы,
Но поднимать за милых дам
Нельзя, допустим, двести грамм.
Нельзя любимой, в самом деле,
Дарить коробку «кондизделий».
И крепсатен — уже не креп,
Когда он назван «ширпотреб».
Итак, я ем «мясопродукты»,
Хожу обедать в «Пищеблок»,
Из «Горпродторга» «сухофрукты»
Я в «жилмассив» свой приволок...
Бледнею я от возмущенья,
Я всюду вижу сокращенья,
Я начинаю горячиться.
Схожу с ума. Я сам не свой:
— Гор-чица — Городская чица!
Мужской порт-ной — Портный Ной...
Кол-басник — Коллективный басник...
Гор-дыня... Го-споди, прости!..
Нет, право, нет меня несчастней!..
Куда бежать, куда уйти?!
Слова холодные роятся,
И скрыться некуда от них,
Слова конторских калькуляций
И канцелярских накладных!
Куда деваться, я не знаю
От изуродованных слов —
Канцприннадлежность я кусаю
И бумпродукицию бросаю,
Не дописав сатиристиков!

М. СЛОВОДСКОЙ

ФАКТОР ВРЕМЕНИ

Два приятеля встретились после многолетней разлуки.
— И твоя жена красива попрежнему? — спросил один.
— Да, — ответил другой. — Только теперь это занимает у неё много больше времени.

ЖИВАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Мальчик спросил отца, как начинаются войны.
— Предположим, — ответил отец, — Америка поссорилась с Англией...
— Но Америка не должна ссориться с Англией, — перебила его жена.
— Я знаю, — ответил он, — но это только гипотетический случай.
— Ты запутываешь ребёнка! — воскликнула мать.
— Нет, не запутываю!
— Нет — да!
— Нет — нет!
— А я говорю — да!
— А я говорю — нет! Это возмутительно!..
— Папа, не надо: я уже понял, как начинаются войны.

ВЫЛЕЧИЛ

— Доктор сказал, что поставит меня на ноги в месяц.
— И что же?
— Поставил. Мне пришлось продать автомобиль, чтобы расплатиться с ним.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Она говорила немного по-французски и очень много по телефону.

В оптическом магазине:
— У вас, гражданин, глаза не подходят к этим стёклам.

Предисловие в книжке было, как доклад перед танцами.

Она шипела на мужа, как газированная вода.

Старикам кажется, что в дни их молодости лестницы были не так круты.

Он не верил ни в сон, ни в чох. Он верил в бром и в кальцекс.

Она заговаривала ему вставные зубы.

От акробата не требуют простоты. Его дело — ломаться.

Гладить его по шерсти не хотелось. Он был грубошёрстный.

Машина была малолитражная, шофёр — многолитражный.

Не успел ещё докладчик разойтись, как уже разошлись слушатели.

Походил на Сократа — лысиной и женой.

Зав не искал хороших сотрудниц: с него было достаточно хорошеньких.

Драматург написал столько стандартных пьес, что получил возможность приобрести стандартный домик.

— В ваши годы Гоголь съёл уже вторую часть «Мёртвых душ», а вы ещё и первой не написали!

Она меняла возлюбленных, как перчатки. Перчаток она никогда не меняла.

Скворцы селились в скворечнях на правах застройщиков.

В эту зиму мороженого на улицах было больше, чем снега.

Не всякая испанка — Кармен. Иногда она просто грипп.

М. ЯКОВЛЕВ

СРЕДИ НАЧЕТЧИКОВ

Рис. К. Елисеева

— Как быть? Наступает посевная, а у Маркса ничего о тракторах не сказано.

ОДНАЖДЫ...

Рис. Л. Бродаты

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Однажды у Вольтера спросили, в каких отношениях он находится с богом.
— Мы раскланиваемся, но не разговариваем,— ответил филбсоф.

НАПРАСНЫЙ ТРУД

Однажды к Бальзаку забрался вор. Страдавший бессонницей писатель, лёжа в постели, с интересом наблюдал, как вор отмычкой вскрывал его письменный стол. Неожиданно Бальзак рассмеялся. Испуганный вор быстро обернулся и спросил:
— Над чем вы смеётесь?
— Над тем, что тёмной ночью вы ищете в моём столе то, чего мне не удаётся найти даже при дневном свете.

ВКУСНАЯ ПЛОЩАДКА

Однажды Марк Твэн был приглашён в гости к своему приятелю, большому любителю гольфа, но плохому игроку. Во время игры, пытаясь выбить мяч из ямки, приятель выбрасывал только куски земли, которые попадали в рот писателю. Наконец, когда ему удалось выбить мяч, он спросил у Твэна:
— Ну, как ты находишь мою площадку?
— Восхитительная! Это самая вкусная площадка, какую я пробовал в своей жизни.

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

Однажды известного французского драматурга Крепильона спросили, правда ли, что ему уже 84 года.
— Не мне, а моей метрике,— сердито ответил Крепильон.

О ТОМ ЖЕ САМОМ

«День восьмого марта близок,
И мужья блеснуть повинны:
Что же выбрать для сюрприза
В честь дражайшей половины?
То ли, в дружбе с этикетом,
Усладить «наполеоном»?
Поразить её букетом?
То ли джемпером зелёным?»
Мысли тучей нависли,
Муж ворочал ими туго.
Но супружеские мысли
Без труда прочла супруга:
«Мне ты хочешь — это ясно —
Угодить приятным даром:
Не гадай, дружок, напрасно
И себя не мучай даром.
Вот что в день восьмого марта
Совершил разумный муж бы:
Не шуми, как самовар, ты
В час, когда придёшь со службы.
Сядь за стол не с кислой миной,
Будто в уксусе ты вымок,
А веди себя мужчиной —
Без гримас и без ужимок.
Не терзай придиркой мелкой,
С треском мебели не двигай.
Не ворчи ты за тарелкой,
От меня закрывшись книгой.
Развлекай меня беседой,
Позабавь остротой тонкой.
Не спеша, мой друг, обедай,
Не томи постылой гонкой.
О хорошем тоне вспомни,
Я такой заботы стою:
Не забудь подать пальто мне,
Как пойдём в кино с тобою.
А в метро, где тесновато,
Сделай так, чтоб было место,
Будто я-то — не жена-то,
А пока ещё невеста.
Жду, чтоб ты мне улыбнулся
Задумчиво, а не криво.
Жду, чтоб этот день тянулся
Круглый год без перерыва!»

В. ГРАНОВ

— Вы солидный человек, а занимаетесь такой мелочью, как микробы.
Я бы на вашем месте предпочёл что-нибудь покрупнее.

О ЧЕМ СТОИТ ПОЖАЛЕТЬ

Желая почитать что-нибудь о книге В. Каверина «Два капитана», вы легко можете удовлетворить свою пылливость: критика не обошла молчанием эту книгу! Берите журнал «Знамя» № 5 и читайте многостраничную статью Веры Смирновой «Два капитана меняют курс».

Ух, и разносит же строгий судья и автора и его произведение! Да ещё как глубоко-мысленно и высокоумно, вёлеречиво и суесловно! Вот, например, одно из наименее закрученных рассуждений критика:

«Обилие деталей, может быть, верных и трогательных самих по себе, но увиденных не Саней Григорьевым, а Кавериним, вернее даже не увиденных, а собранных заботливо из того, что увидено другими, по-

хожих и на засушенные цветы, сушит книгу, мельчит и центральный образ и его автора».

Это обилие прилагательных, наверное, собрано специально для того, чтобы сушить мозги читателя.

Недальновидный критик явно не увидел в книге того, «что увидено другими».

«Нам жаль, что Каверин написал вторую книгу «Двух капитанов», — вздыхает Вера Смирнова.

Вот уж не жаль! А о том, что критик незаслуженно обругал хорошего писателя и хорошую книгу, — вот об этом действительно стоит пожалеть!

А. ИЛЬЧЕВ

ЛИСИЦА И ЕЖ

— Ненавижу мелких жуликов! — сказала Лисица и отвела мордочку в сторону.
— А кто мелкие жулики? — полюбопытствовал Еж.
— Птицы! — заявила Лисица.
— Какие птицы?
— Известно, какие! Воробьи, например! Синицы! Пеночки!
— Ну, воробьи — так! — согласился Еж. — Синицы — так! А почему пеночки?
— Как почему пеночки? Все жулики, а они нет! Разве это не жульничество?!

СТОПКРАН ЭКСТРЕННОГО ТОРМОЖЕНИЯ

— Для какой такой возвышенной цели или практической необходимости вы при-

креплены здесь, в вагоне? — сказал чемодан блестящему крану экстренного торможения.

— Я прикреплен здесь, в вагоне, затем, чтобы быть штрафу или не быть штрафу. Вот! В примечании! Прочтите!

Когда случилась авария, оказалось, кран не работал.

ДОБРЫЙ БАЙБАК

Сидел Байбак, суп ел. А к нему байбачата.

Он тому ложку, тому ложку, а тому и две.

А тут муха в суп.

Он и мухе ложку!

М. МАЛИШЕВСКИЙ

БОЛЕЙТЕ ПО ПЛАНУ

Нормально ли, что рядовые сотрудники болеют без согласования с начальством? К чему может привести подобное самовольство, даже трудно себе представить.

Заведующий Краматорским горфинотделом тов. Беловенец сделал смелую попытку урегулировать и планировать заболеваемость своих работников.

Специальным отношением за № С-3 тов. Беловенец предупредил главного врача поликлиники тов. Кузьмина:

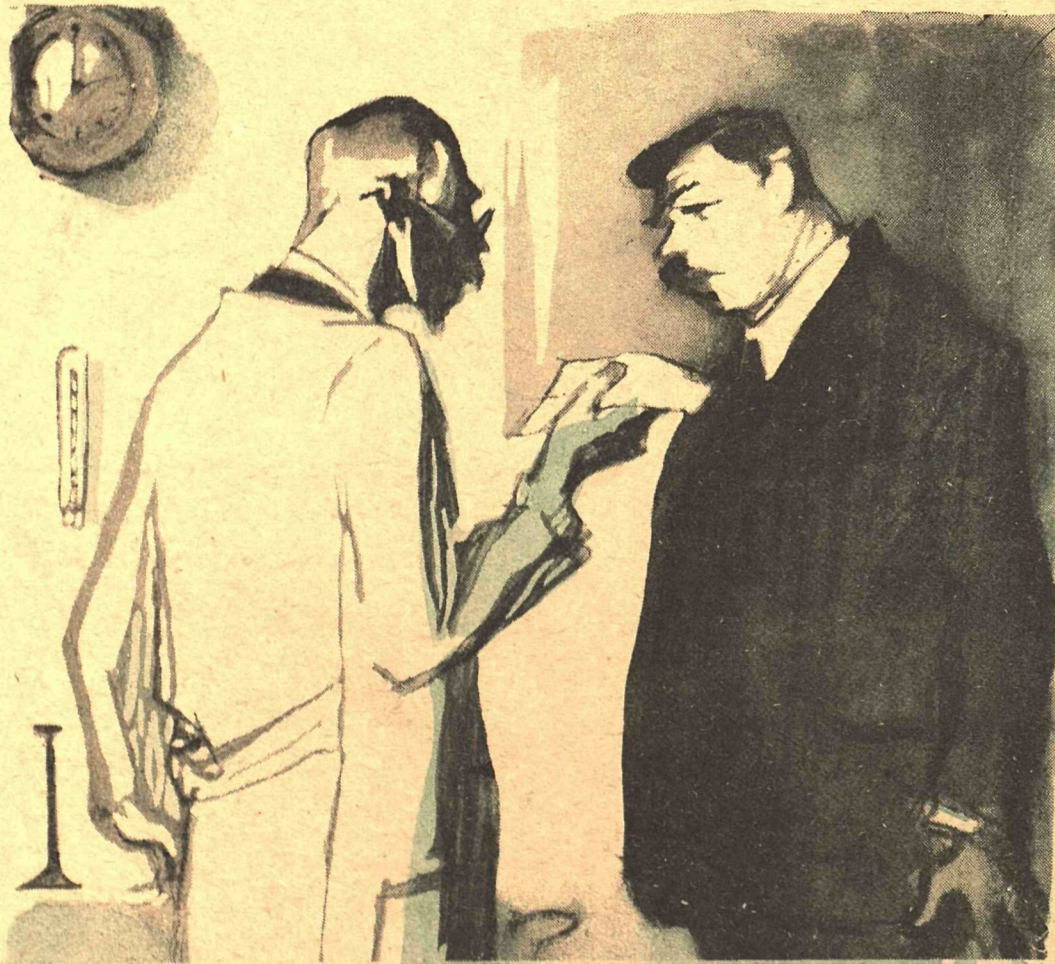
«Прошу без моего направления не принимать в поликлинике и не оказывать медпомощь работникам горфо и госстраха».

Одним словом, впредь тов. Беловенец будет не только в курсе того, как идёт выполнение доходной части бюджета по неналоговым поступлениям, но будет также знать состояние здоровья товарищей, отвечающих за этот участок финансовой работы!

Нас в данном случае тревожит только одно обстоятельство: а не обременит ли новая нагрузка тов. Беловенеца и не отразится ли на его здоровье? Как тогда он попадёт в поликлинику? Не может же он сам себе писать направление?!

БЮРОКРАТ У ВРАЧА

Рис. С. Костина

— Вот вам лекарство, принимайте три раза в день.
— Не могу, доктор. Я привык принимать не чаще одного раза в неделю.

Очарованный жених

ПРИГЛАСИЛИ меня на свадьбу. Пришёл. Свадьба как свадьба: жених, невеста, друзья, шафера, гости, патефон.

И весёлое настроение и у невесты, и у жениха, и у всех приглашённых.

Невеста, на удивление, какая-то особенно сcharовательная.

Ну, как обычно, ужин, бесконечное «горько» — всё, одним словом, как полагается.

Улучив минуту, когда мамаша позвала невесту по какому-то делу, я и подсел к жениху.

И рассказал мне жених историю своего счастливого брака.

— Служу я, — говорит мне жених, — на такой работе, что вынужден посещать множество разных учреждений — и центральных, и областных, и всяких других. Там, глядишь, нужно повидаться и поговорить с руководством: с начальником или с директором, там с заместителем или с кем-нибудь ещё. Сам я по натуре человек смиренный, тихий, воспитанный (я не хвастаюсь, а говорю то, что есть, чтобы вам понятно было). Голос у меня мягкий, в кожаном пальто я не хожу, костюм у меня не полувоенный, а обыкновенный, я даже военной фуражки не ношу, а простую, скромную шляпу. Ну, приходишь в учреждение. У каждого начальника, как знаете, есть секретарша. Ну, конечно, к ней. Если бы вы знали, чего только я не наслушался за время своей работы?! Ой-ой-ой!.. Подходишь и так вежливо:

— Товарищ, можно ли повидать директора?

Из глаз на вас молния, и на высокой ноте:

— Вы же видите, что я уже хотела поднести к телефону руку?! А прётесь!!!

Отскочишь и сядешь. Ждёшь минут десять, пока секретарша поднесёт руку к телефону. Поднесла, поговорила. Я с опаской снова к ней:

— Можно повидать?

— Нельзя! Приём закончился.

А в другом учреждении нарываешься:

— Черти их тут досят! Ну никакого от них покоя!

А там, глядишь, поднесут:

— Вам русским языком сказано! Не понимаете? Научитесь понимать!

Или такое:

— Перерыв! Вы понимаете: перерыв?! Это ничего, что я тут сижу. Перерыв! И в перерыв я с вами разговаривать не буду!

И вот однажды захожу я в учреждение. Сидит девушка. Я к ней:

— Товарищ...

А она мне:

— Садитесь, пожалуйста! Что вы хотели?

Я рассказал. Она мне:

— К сожалению, директора сейчас нет! А время терять вам нет смысла. Телефон у вас есть? Я запишу. Директор будет через час, я ему доложу и позвоню вам!

Я смотрю на неё, признаюсь вам, совершенно ошарашенный.

А она продолжает:

— Очевидно, вам частенько придётся бывать у нас по всяким делам. Запишите мой телефон и звоните, когда потребуется. Я доложу своему руководству и вам отвечу. А если нужно будет, чтоб вы лично заглянули, скажу! Зовут меня Валентина Петровна, мне и звоните!

Подошёл другой посетитель, и с ним она точно так же. Так я вам скажу, что после такого разговора я телефоном не очень злоупотреблял: я чаще навещался лично...

Тут к нам подошла невеста:

— Извини, — говорит, — Гриша, что задержалась! Не скучал?

— Нет, Валюша, мы тут разговорились!

— Угу... — сказал я сам себе.

* * *

Пришёл я со свадьбы домой и подумал: «Большое дело — вежливое обслуживание граждан. Помимо всего прочего, можно иногда за порядочного посетителя и замуж выйти».

Остап ВИШНЯ

г. Киев.

Серый каракуль

Рис. В. Горлева

ДАВНО начинающий, но ещё не подающий надежд адвокат Борис Аркадьевич Дёмин встретил у парадного подъезда свою соседку по квартире Ларочку Ардашову. Вот уж недели две Дёмин настойчиво уверяет Ардашову, что он потрясён её лучезарными глазами.

Сейчас, увидев Ларочку, Дёмин приподнял шляпу и многозначительно помолчал.

— Вот так хорошо, — сказала Ларочка, — не надо говорить никаких глупостей.

Нельзя сказать, чтобы Ларочке вовсе не нравился вздыхающий адвокат.

— Знаете, что, — милостиво добавила Ларочка, — в награду за ваше хорошее поведение сведите меня в воскресенье в театр, на «День рождения».

— С вами хоть на «Встречу в темноте».

Войдя в свою комнату, Дёмин подошёл к большому зеркалу, весело прищурил глаза и шёлкнул пальцами.

— Лёд тронулся, господа присяжные заседатели! — воскликнул адвокат.

Дёмин заложил руку по-наполеоновски за борт пиджака и стал похаживать по комнате. Взгляд его задержался на пороге комнаты, на котором белел маленький конвертик с почтовым штемпелем. Адвокат поднял письмо и извлёк из конвертика листочек бумаги.

«Вас, безусловно, удивит моё письмо, — прочёл Дёмин, — но оставьте все ваши сомнения и приезжайте в субботу, в шесть часов вечера, на станцию Раздельная. Вы меня не знаете. На мне будет серая каракулевая шапочка. Я вас встречу ровно в шесть. Жду. Ваша Т.».

Но тут в адвокате пробудилась бдительность:

«Чепуха! Это меня кто-то разыгрывает».

В субботу до трёх часов дня адвокат уверял самого себя, что он болен, простужен и даже смерил температуру.

— Температура нормальная, — с горечью заметил адвокат, — а я себя веду, как ненормальный. И что это за дура такая! Не могла назначить свидание где-нибудь в городе. Куда я, к черту, в такой мороз поеду? Вот Ларочка — молодец, назначила свидание в театре: тепло, культурно и художественно!.. А, может быть, у моей обожательницы там, в Раздельной, имеются уютная дача, солёные огурчики, фикусы, за окном зимний лес, а на полу плюшевая дорожка? Тоже тепло и художественно!

И в субботу, в пять часов вечера, адвокат Дёмин ретиво вклинивался в гущу пассажиров, атаковавших пригородный поезд. Адвокат настолько спремительно вёл атаку, что не слышал, как какая-то девушка крикнула ему: «Гражданин, у вас слетела калоша!»

Вырвавшись вперёд, адвокат захватил место у окна. Справа от него сел пожилой гражданин в рыжей шапке из цыгейки, а напротив него устроилась милостивая девушка в серой каракулевой шапочке.

— Я вижу, вы до сих пор не замечаете... Я же вам ещё в тамбуре сказала. Даже за рукав дёрнула, — сказала девушка улыбаясь.

Не зная, что речь идёт о левой калоше, адвокат взглянул на серую каракулевую шапочку и догадался:

— Я очень тронут вашим вниманием и ещё больше тронут вашим письмом.

— Письмом?! Каким письмом?

— «Ваша Т.»... Так? — сказал адвокат и взял девушку за руку.

— Послушайте, вы какой-то странный.

— Гражданин, — вмешался пассажир в цыгейковой шапке, — не приставайте к девушке.

— И не собираюсь. Вы слышали, она сама сказала, что дёрнула меня за рукав.

— Дёрнула, чтобы вы обернулись и подняли свою левую калошу.

— Какую калошу? — вскопчил с места адвокат и тут же почувствовал, что у него сильно промёрзла левая нога.

Он быстро поднялся и вышел в тамбур...

На платформе дачной станции Раздельная он увидел идущую ему навстречу молодую женщину в серой каракулевой шапочке. Она

СИЛА ПРИВЫЧКИ

— Вы меня оскорбили! Возьмите свои слова обратно...

— Обратно не берём. Могу только обменять.

весело улыбалась и даже помахивала цветной варежкой. Дёмин устремился к ней:

— Я счастлив, что вы оказались такой прелестной,

— В чём дело? — взвизгнула молодая женщина. — Чего вы ко мне пристаёте?! Коля, я этого гражданина совершенно не знаю.

За спиной адвоката очутился тот, кого звали Колей. Это был старший лейтенант милиции.

— Видите ли, — смущённо сказал адвокат, — здесь произошло недоразумение. У меня письмо от дамы в каракулевой шапочке.

— Предъявите, — коротко предложил старший лейтенант.

Борис Аркадьевич сунул руку в карман и тут же вспомнил, что письмо он забыл в другом пиджаке.

В этот момент подошёл пассажир в цыгейковой шапке.

— Николай Сергеевич, — сказал пассажир, — надо этого субъекта пригласить в отделение, он и в вагоне приставал к Нине Румянцева, племяннице предрайисполкома.

В кабинете начальника милиции адвокат умоляюще произнёс:

— Уверю вас, у меня... дома имеется пись-

мо. Позвоните ко мне домой. Пусть моя соседка возьмёт из серого пиджака письмо. Я не виноват, что все женщины носят теперь серый каракуль: я просто жертва моды. Я вам сейчас изложу, что написано в письме.

Когда в коридоре квартиры адвоката раздался звонок начальника милиции, к телефону подошла Ларочка Ардашова. Узнав, в чём дело, Ларочка расхохоталась:

— Простите, товарищ начальник, но это письмо писала я: мне хотелось узнать, всем ли женщинам мой сосед говорит одно и то же. Его должна была встретить моя приятельница. Уже темнело, когда адвокат в одной калоше бежал на станцию.

На платформе Борис Аркадьевич сначала увидел какую-то грузную пожилую даму в серой каракулевой шапке.

Вслед за ней появилась девушка в серой каракулевой шапке.

А затем — две дамы в серых каракулевых шапках.

А сбоку выплыли три толстушки в серых каракулевых шапках.

М. ЭДЕЛЬ

Рис. И. Семёнова

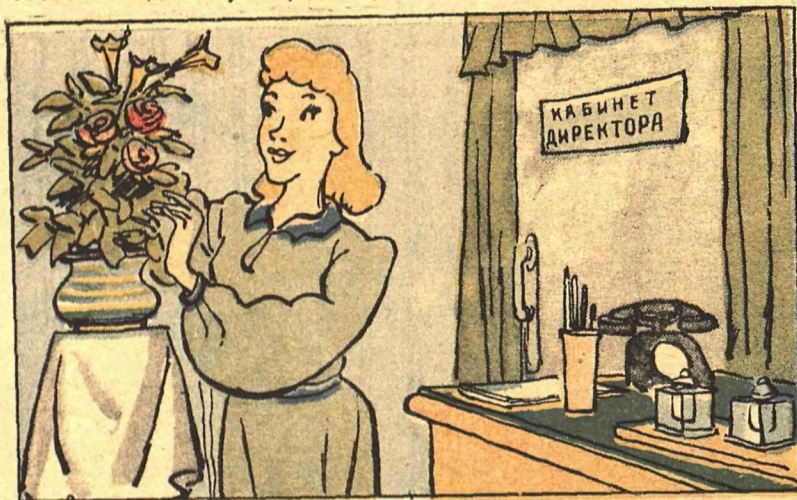

Узнав о том, что в учреждение назначен новый директор, секретарша Клава Пальчикова заказала себе новое платье.

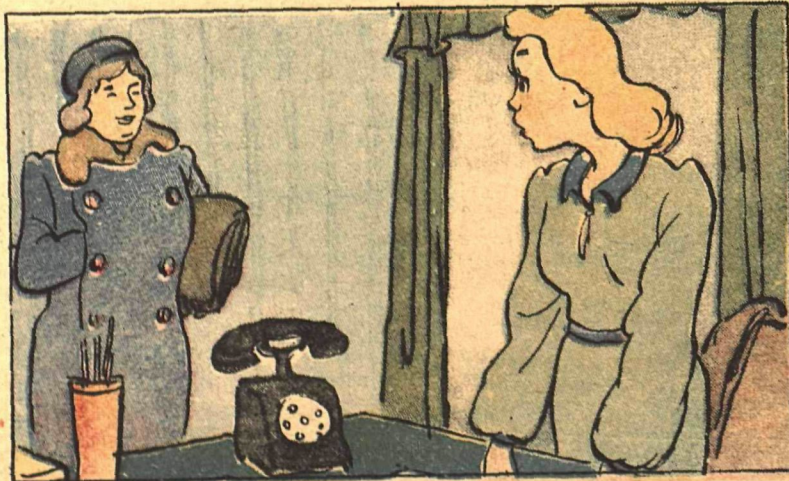
— Я должна ему понравиться, — решила она.

Накануне прихода директора Клава Пальчикова сделала себе наимоднейшую причёску...

...и украсила цветами приёмную.

И вот директор пришёл.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Зная о тяжёлых жилищных условиях, в которых находится моя семья, тов. Терёхин обещал предоставить мне лучшую жилплощадь. Сначала он никакого срока не указывал. Когда же я, отчаявшись в своих бесплодных хождениях, стал более настойчивым, Терёхин сказал:

— Вот в одном доме скоро должны умереть старик и старуха, и мы тогда вам предоставим хорошую, светлую комнату.

Как согласовать научные работы академика Богомольца по долголетию с подобными изысканиями заведующего Киевского районного жилищного управления города Москвы тов. Терёхина по регламентированию человеческой жизни?

Не проще ли подвергнуть деятельность самого Терёхина глубокому научному анализу в целях выявления микробов бюрократизма, наличие которых совершенно очевидно?

Иван ЧИЛИКИН,

Герой Советского Союза
Москва.

Дорогой Крокодил!

Счастливая случайность помогла тов. Панову проявить себя в качестве новатора школьного дела. Будучи руководителем промыслового комбината в городе Усолье-Сибирское, Иркутской области, сей муж пребывал в тени и ничем особенным не славился. Но однажды местная средняя школа № 1 обратилась к Панову с просьбой изготовить школьную мебель. И вот тут Панов во всю мощь развернул свои способности.

Представь себе, ему пришла блестящая идея вести в школе преподавание нового предмета — ручного труда.

Для начала Панов предложил на уроках ручного труда проходить следующее: нанять рабочих, достать лошадей, съездить в лес, нарубить там деревья, привезти их, распилить и доставить доски в комбинат, который тут же займётся изготовлением школьной мебели.

Таким образом метод Панова даёт возможность школе заниматься полезным и интересным делом, а комбинату обеспечивает спокойную и безмятежную жизнь.

Ф. ЧИЛЕКО,
директор средней школы № 1

г. Усолье-Сибирское,
Иркутской области.

Товарищ Крокодил!

Повидимому, бежицкая почта никаких претензий ко мне не имеет. Во всяком случае, ни одной жалобы я от неё не слышал и получил свою посылку без всякой волокиты и проволоочки. Хотя, как выяснилось, с меня причиталась некая дополнительная сумма за пересылку.

Но, чтобы не затруднять меня извещением об уплате, стоящим в очереди у окошка, получением квитанции и тому подобными процедурами, сердобольные бежицкие почтовые работники пошли мне навстречу и в счёт причитающихся денег изъяли из посылки находящийся там шоколад.

И так как этот шоколад был вполне доброкачественным и в достаточном количестве, то почта, надо полагать, полностью компенсирована и вполне удовлетворена, чего нельзя сказать обо мне.

А. БАШЕВКИН,
лейтенант

г. Бежица,
Брянской области.

«ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН»

На этот раз речь пойдёт не о скверной работе телефонов. Наоборот, мы имеем в виду невинную детскую игру «Испорченный телефон». Это когда ребята садятся в кружок и быстро говорят друг другу на ухо одно и то же слово. Получается очень смешно, если, к примеру, сказано было вначале слово «ложка», а в конце получилось «сороконожка».

Такой вот игрой не без удовольствия развлекаются в Челябинском областном суде. Поступило туда отношение народного суда Киевского района Москвы о расторжении брака гражданина Видревича А. Г. с гражданкой Видревич Н. П. Собрались работники областного суда вместе с заместителем председателя Агафоновым в кружок, рассмотрели эту бумажку и, играючи, составили такой ответ:

«...Андреевич Нине Петровне. Препровождается искное заявление по иску Андреевич Нины Петровны к Андреевич Н. П.» и т. д. Сказано было «Видревич», а вышло «Андреевич» и «Андревич». С вас фант, товарищ Агафонов!

«НАЗНАЧЕНО ПОВТОРНЫЕ ИСПЫТАНИЕ»

Вторая полиграфическая фабрика в Харькове отпечатала для Наркомпроса Украины «карточки о успеваемости, поведении и посещениях».

Ни внешним своим видом, ни содержанием карточки ничем не примечательны. И мы на них не обратили бы внимания, если бы не заключительная графа «Постановление Педсовета о успеваемости ученика», которую заполняет директор или заведующий школой». В этой графе, если верить составителям карточки, отмечается следующее:

«Переведён в высший класс, выпущен со школы, награждён грамотой, оставлен на второй год, назначено повторные испытание и с каких предметов».

Совершенно ясно, что «выпустить со школы» с подобными знаниями русского языка ни в коем случае нельзя. О награждении грамотой не может быть и речи. Решение может быть единственное — оставить на второй год или, в крайнем случае, назначить повторные испытания. «С каких предметов»? По русскому языку, понятно!

Необходимо только установить, кому, собственно, назначить повторные испытания: работникам типографии или представителям Наркомпроса, которые не проследили за качеством «карточек о успеваемости».

— В конце концов едет или не едет к нам ревизор?!

Как я писал мемуары

В ЖИЗНИ каждого человека бывает такой период, когда им овладевает нестерпимый мемуарный зуд.

Безумно хочется вспомнить, запечатлеть какие-то встречи, припомнить тех, которых уже нет, наврав при этом с три короба, поскольку опровержений опасаться не приходится.

Едва желаннее вспомнить и запечатлеть переросло у меня в такой зуд, я сразу набросал план серии фельетонов под общим названием «Моя жизнь в искусстве».

— Почему в искусстве? — поморщился редактор одного не очень толстого театрального журнала, узнав об этом проекте. — Вы же не актёр, не режиссёр, не заведующий орсом Большого театра?..

— Позвольте, но я же всё-таки театральный журналист и завсегдатай премьер!

Редактор снова поморщился:

— Всё равно, это слишком претенциозно. Назовите свои мемуары как-нибудь более шутиливо. Ну хотя бы «Моя жизнь в курилке и буфете».

— Я не курю, — сухо заметил я, — и не хожу в буфет, хотя бывают такие спектакли, когда даже некурящие готовы сбежать из уютного партера в курилку.

Редактор сделал вид, будто не понял, что я намекаю на шумевший в этом сезоне музыкально-вокально-скандальный спектакль, и предложил немедленно взяться за писание мемуаров.

Через неделю я принёс первую главу.

«МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ»

Моя жизнь в искусстве начинается очень рано — уже в 7 часов утра соседи включают радио и бодрый голос диктора возглашает за стеной:

— Сейчас будет исполнено адажио из третьей части Седьмой симфонии известного забытого голландского композитора ван дер Скрежета...

После забытого голландского композитора обычно выступают малоизвестные современные поэты. Почему-то поэты всегда выступают по радио на рассвете: должно быть, их стихи легче переаривать натошак.

Затем начинаются милые печатные радости. Почта доставляет свежие газеты и журналы — вчерашнюю «Вечернюю Москву», позавчерашнее «Советское искусство» и журнал «Новый мир» за сентябрь прошлого года.

Жадно набрасываюсь на отдел «Сегодня в театрах». Куда пойти?

— Знаешь, давай пойдём в Малый на «Сотворение мира», — предлагаю я двоюродному дяде, приехавшему с Алтая.

— Не стоит, — возражает дядя. — Я читал такую восторженную рецензию об этом спектакле, что боюсь испортить впечатление.

— Тогда пойдём на «Идеального мужа» в Художественный. Говорят, хороший спектакль.

— Хороший-то хороший, но ведь рецензий ещё не было. А вдруг критика не одобрит?

— Ну, ладно, пошли на «Круг».

— Как?! После этого отзыва в «Известиях»?!

Очевидно, такое безграничное доверие к критике сохранилось только на Алтае...

...Тут редактор не очень толстого журнала вдруг отодвинул рукопись и сердито сказал:

— Послушайте, какие же это мемуары? Самый обыкновенный фельетон. В нём абсолютно нет ничего, что должно быть в мемуарах.

— А что должно быть в мемуарах? — растерялся я.

— Должны быть встречи с артистами и режиссёрами, беседы об искусстве, какие-нибудь из ряда вон выходящие случаи...

Через пять дней я принёс новую главу.

«ДВА ЭРУДИТА»

(Из ряда вон выходящий случай)

Зимой 1946 года я встретился с артистом театра Моссовета Герагой и горячо поздравил его с исполнением роли Лотохина в спектакле «Красавец-мужчина».

Лицо заслуженного артиста вдруг затуманилось:

— Спасибо, конечно, на добром слове, но я из-за этой роли вторую неделю не сплю.

— Почему? — всполохился я.

— Критик Гроссман написал в «Советском искусстве», что я «придал облику крупного дельца и денежного воротилы, каким является Лотохин у Островского, «слишком интеллигентские черты — старого врача, профессора, литератора».

— Стоит ли из-за этого не спать? Внесите поправки в роль — и всё. Раз критик пишет, — он знает. У него эрудиция.

— А у критика Бертенсона тоже эрудиция? — осведомился Герага.

— Конечно. Каждый критик состоит главным образом из эрудиции и амбиции.

Заслуженный артист мучительно вздохнул:

— А этот эрудит написал в «Вечерней Москве», что «образ, созданный Герагой, не совсем верен. В гриме и манерах Лотохина в спектакле

Премьера «Ревизора» в Малом театре, намечавшаяся на декабрь 1944 года, была отложена на декабрь 1945 года, а теперь перенесена на 1946 год.

есть что-то «купецкое», вступающее в конфликт с социальной природой образа: ведь Лотохин — «богатый барин», пожилой помещик, не только деловой, но и умный, хорошо воспитанный человек.

Он посмотрел на меня каким-то странным, напряжённым взглядом и укоризненно сказал:

— А вы толкуете о поправках в роли! Какие же могут быть поправки? По словам одного эрудита, Лотохин — купец, а я играю его интеллигентом, а по словам другого эрудита, Лотохин — интеллигент, а я играю его купцом!..

И совершенно неожиданно артист громко запел на мотив «Два гренадера»:

«В редакцию два эрудита

С «Красавца-мужчины» брели...»

...Но тут редактор опять отодвинул рукопись и весьма недовольно буркнул:

— Это не мемуары.

— Как не мемуары? — возмутился я. — Вы требовали встречи с артистами — есть встреча с заслуженным артистом. Вы хотели беседы об искусстве — есть беседа о пьесе Островского. Вам нужен был какой-нибудь из ряда вон выходящий случай, — а разве это не из ряда вон выходящий случай, когда два критика с учёным видом утверждают взаимно исключающие вещи?!

Увы, редактор был неумолим:

— Мемуары пишут не о настоящем, а о минувшем, и не о тех людях, с которыми может беседовать каждый, а о тех, с которыми беседовать уже не может никто.

На другой день я принёс новую главу.

«МОИ ВСТРЕЧИ С ЕРМОЛОВОЙ»

Мои первые воспоминания о великой русской артистке Марье Николаевне Ермоловой относятся примерно к 1914 году. В витрине писчебумажного магазина был выставлен лубочный портрет какого-то дяди, усыпанного звёздами.

— Это генерал Ермолов, — объяснил мне отец.

Как мне удалось установить в дальнейшем, никакого отношения к Марье Николаевне покоритель Кавказа не имел.

Последние воспоминания о великой артистке относятся к нынешнему театральному сезону. Я смотрел в театре имени Ермоловой чудесный спектакль «Старые друзья». В антракте мы долго беседовали с постановщиком, заслуженным деятелем искусств Андреем Михайловичем Лобановым. О Марье Николаевне мы ничего не говорили.

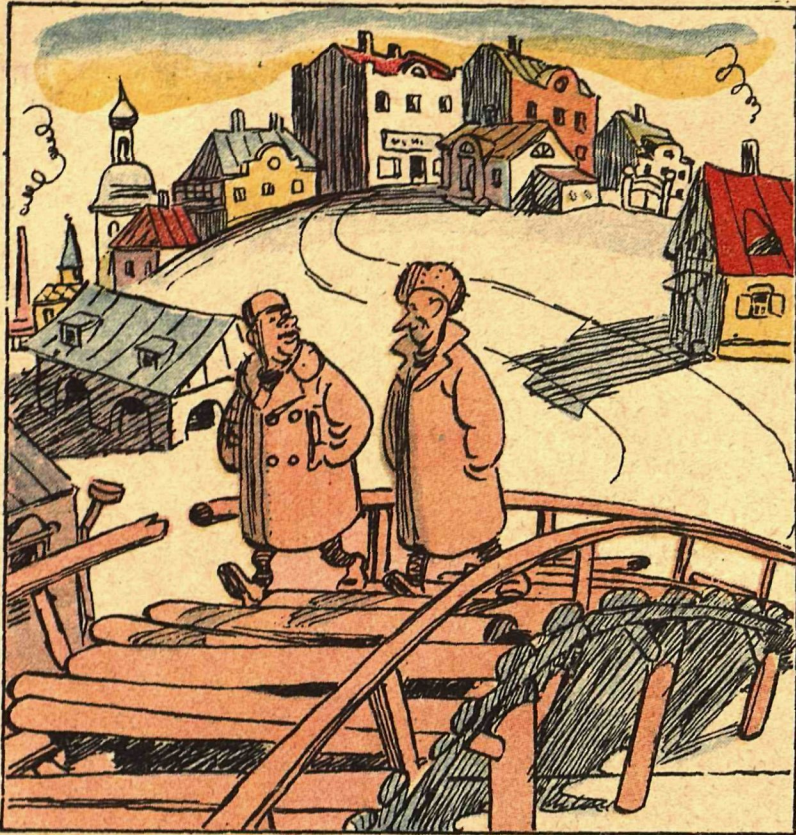
— Вот это мемуары, как мемуары, — сказал довольный редактор, сдавая рукопись в набор.

* * *

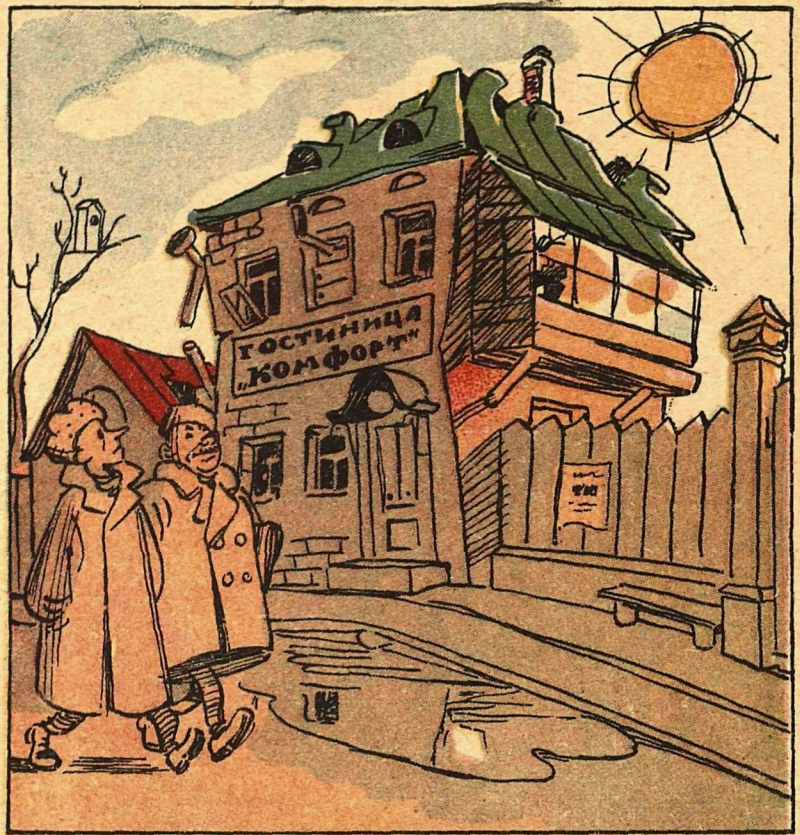
В настоящее время из моих воспоминаний о Ермоловой уже сделаны монтаж для радио, мультипликационный фильм, литературный вариант для художественного чтения и пятиактная музыкальная драма для Театра миниатюр. Приём заказов продолжается.

Евг. БЕРМОНТ

Рис. Ю. Ганфа

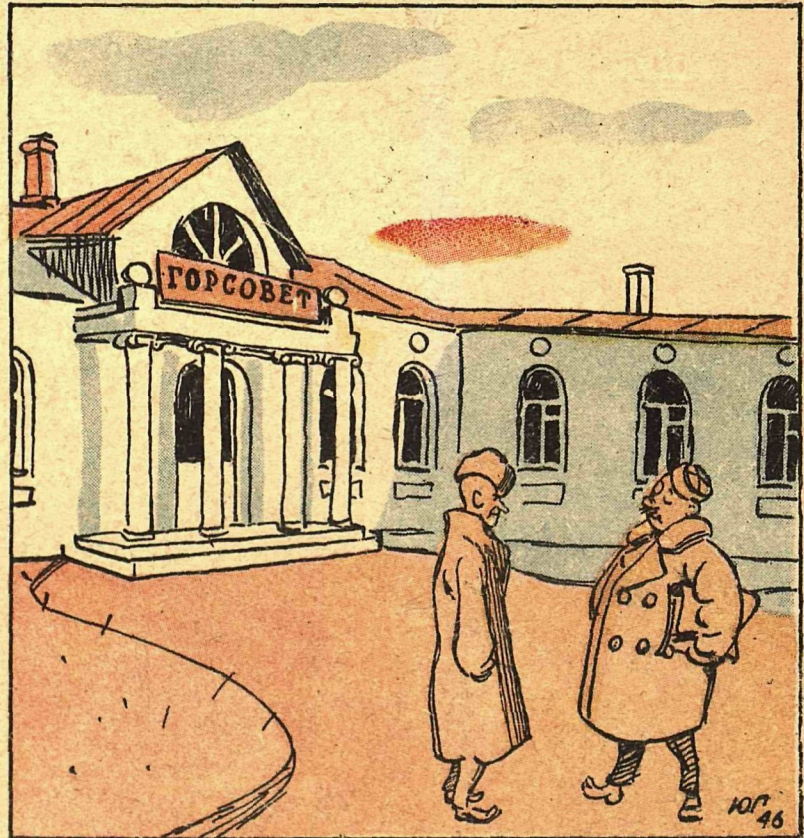
— За строительство моста я получил благодарность.
— За строительство этого моста?
— Нет, на Оке в 1931 году.

— А премию я получил за гостиничное строительство.
— За строительство этой гостиницы?
— Нет, на Украине в 1932 году.

— Но особых достижений я добился в области озеленения. Про мой парк в газетах написано, и я даже получил медаль.
— За этот парк?
— Нет, это было в Белоруссии в 1933 году.

— А что вы получили за работу в этом городе?
— Пока только выговор со строгим предупреждением.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 201. Подп. к печати 28/II 1946 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1 1/2. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.
Л-01944. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 449. Тираж 150.000 экз.